РАССКАЗЫ

ВЕНЕЦ БЕЗБРАЧИЯ

На ВДНХ есть кафе «Дельфин». Оно работает много лет и видом напоминает советскую столовую. Такие же подносы, которые двигают по рельсам. Незамысловатые, но калорийные блюда.

Есть одна особенность. Там — наливают. За стойкой нальют и водки, сколько надо. И коньяк, если человек не без претензий. Очереди с утра почти нет.

Недалеко от кафе — космический корабль «Буран», словно памятник несбывшейся мечте.

Дальше — уединенные скамейки. На одной сидел я. На другой — девушка, которая, судя по всему, недавно покинула «Дельфин». Рядом с ней — дурацкий прокатный самокат. Похоже, он был ей совсем не нужен. Просто взяла потому что все так делают.

Девушка, уже несколько минут разговаривала сама с собой. Я прислушивался к ее бессвязным речам.

— Тридцать лет! И — никого. Это как?

Выглядела она для тридцати совсем неплохо.

— Даже любовника приличного нет. Скажите, — она обратилась ко мне, — это — нормально?

Я не знал, что ответить.

— И ведь не уродина! Не хуже других. Я — не хуже других? — продолжала она. — Что вы молчите?

Девица встала со своей скамейки и уселась рядом со мной.

— День рождения, а я нажралась. Да! Вот в этом вонючем «Дельфине»! А меня, между прочим, на работе ждут. Будут поздравлять, дарить подарки. Вы, наверное, сейчас уйдете. Я опять останусь одна. Вот и не уходите. Вам противно на меня смотреть?

Она отпила колу из бутылки.

— Я просто трудно схожусь с людьми. У меня на голове... «венец безбрачия». Видите на мне венец? — Она задумалась. — Надо выпить кофе и протрезветь.

Мы познакомились. Ее звали Юля. Она была медсестрой и жила в Лыткарино. Есть такой город за МКАДом.

Она рассказывала о себе торопливо и сбивчиво, как человек, который боится, что его перебьют.

Юлин отец, бывший прапорщик, работал охранником в «Магните». «Тяжелое детство, деревянные игрушки, папа-прапорщик», — вспомнилась глупая поговорка.

Виталий Германович Орлов (Рысев) родился в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1955 году. Учился на философском факультете Уральского государственного университета, окончил исторический факультет Восточноевропейского университета. Прозаик, драматург. Публиковался в журнале «Современная драматургия» и региональных изданиях Урала и Казахстана. Преподавал историю в средних и высших учебных заведениях, был научным сотрудником ряда музеев. Священник РПЦ (МП). Живет в Москве.

Мама официально числилась безработной и обитала летом в деревне, где непрерывно закручивала банки с домашними консервами.

Юля сказала, что живет только на зарплату и не имеет «спонсоров». Очевидно, она считала это своим недостатком.

Подруг нет. Женщины ее не интересуют. Ее интересуют мужчины. Но... мужчинам она не нравится.

Я вглядывался в свою собеседницу и ничего вызывающего отторжение не мог заметить.

Высокая, спортивная, с правильными чертами. Блондинка. Но ведь не все же блондинки дуры? По моим наблюдениям, они даже умнее других. Ее лицо и фигура чем-то напоминали манекен. А манекены обычно привлекательны. Во всяком случае, они никогда не выглядят отталкивающе. Кто бы стал тогда делать покупки?

Ее одежда, излишне аккуратная, сидела идеально.

Опьянение прошло, видно, не так много она и выпила, но внезапно прорвавшаяся раскованность оставалась. Она взяла мою руку и держала, будто боясь, что я уйду.

«Девушка Прасковья из Подмосковья». Юля была хорошей девушкой из Подмосковья. Со знаком плюс.

Она не употребляла отвратительных словечек. Всяких «вкусняшек», «печенок», «по жизни», «в крайний раз».

Я подозревал, что на ее коже нет татуировок, а в груди — силикона.

Она спросила, где здесь туалет. Я сказал — почти у нас за спиной. Она вышла оттуда минут через пять, посвежевшая, словно Венера из морской пены, и уже совсем трезвая.

Мы отправились гулять по обновляемой ВДНХ. Юля катила ненужный самокат. Потом сдала его.

Я, как мог, рассказывал о местах, где мы бродили. Похоже, ей было интересно. Она не знала, кому принадлежал Останкинский дворец, и ничего не слышала о любви Шереметева к Параше Жемчуговой.

Я упомянул и телебашню, вокруг которой, по мнению писателя Орлова, кружатся демоны, и в двух словах пересказал ей сюжет «Альтиста Данилова».

Мы перешли в Шереметевскую дубраву. Ее удивило подобие леса среди Москвы. Стало темнеть, и она спросила:

— Вам далеко ехать до дома?

— Мне не надо ехать. Я живу здесь.

Мы вошли в подъезд пятиэтажки, пахнувший тленом, поднялись в мое унылое жилище.

— Ничего, кроме книг, — сказала она, осматриваясь. — Почему вы живете один?

— Потому что у всех — своя жизнь.

Она стала посылать безграмотные СМС и звонить. Через несколько дней мы встретились в Кускове. Потом, в Царицыне. Ей захотелось обойти за лето все парки Москвы. Мы побывали даже в Лианозове.

Она начала читать кое-что. Разные краеведческие брошюры.

Думаю, Юля быстро оценила мои материальные возможности. Вряд ли я мог предложить ей что-нибудь, кроме «лонгера» в КФС. В своей бедности мы оказались равны.

Что было в ее жизни?

Две поездки в Турцию, в отели «все включено». И одна — на Кипр. Там Юля усердно плавала вокруг «скалы Афродиты». Прохиндей экскурсовод, уверял, что это действо снимает «венце безбрачия» и женихи будут встречаться теперь на каждом шагу. Возможно, уже на пляже.

Но и после «скалы Афродиты» никто — ни на суше, ни на море — в ее жизни не появился. Исподтишка поглядывали, только соседи по отелю, обессиленные бесплатным пивом и присутствием жен.

Юля очень рассчитывала на чемпионат мира по футболу и даже пару раз выходила ночью на Никольскую (бывшую 25 Октября), отданную на растерзание фанатам. Но и там, судя по всему, ничего не произошло. Пьяные болельщики приставали ко всем подряд. Но она, как заколдованная, ходила в охмелевшей от жары толпе. Вокруг на скамейках пешеходной улицы, почти под стенами Кремля, творилось веселое безобразие, но к ней никто даже не притронулся.

Ладно, была бы страшенькой! Тогда надлежало смириться. Но как смириться с тем, что ты хороша и не дура ведь? И никому, совершенно никому, не нужна.

Она настолько уверилась в своей не востребоваемости, что не боялась ходить по самым диким местам: заводским окраинам, заброшенным гаражам. Ни один маньяк не посягнул на нее.

У нее возникла склонность обнажаться — там, где надо и где не надо.

Конечно, она не позволяла себе лишнего на помпезной ВДНХ, но в более пустынных местах особенно не стеснялась. Охранники, похоже, недоумевали: можно ли сидеть на скамейках в купальнике? Или это не купальник, а топ для занятий спортом?

Жаркая погода была тем летом. У меня на глазах пассажиры чуть не линчевали водителя автобуса за неработающий кондиционер.

В парках Москвы купаться запрещено, но из-за природной аномалии люди нарушали запрет. А Юля оказалась особенно злостным нарушителем. Она не могла пройти мимо фонтана или водоема, чтобы не оказаться в нем, не обращая внимания на запреты.

Однажды мы договорились о встрече в Измайлове. Там открытая станция метро, похожая на перрон электрички.

Я смотрел, как люди появляются из каждого нового поезда. Но ее не было.

Я позвонил. Телефон не отвечал. Не то чтобы номер был временно недоступен. Он просто не отвечал.

«Вот и все, — подумал я. — Конец нашим экскурсиям и болтовне. Упал, казавшийся незыблемым, венец безбрачия».

Я звонил на следующий день, и на третий. Хотя обычно звонила она.

Было стыдно, но я позвонил и через неделю.

Неожиданно мне ответили. Мужчина севшим голосом сказал:

— Юлю ищешь? Нет ее. Пропала. Что? Не знаешь, как люди исчезают? Объявленный таких не видел? — Мужчина, судя по всему, долго пил и нечетко выговаривал слова. — Ты ее сожитель?

Я молчал.

— Сожитель, знаю! — мужчина попытался рассмеяться. — Она в гареме у тебя?

— Вы в полицию обращались?

Папа-прапорщик помолчал немного, потом завопил, разгораясь:

— Ты ее убил! Ты. По базе данных вычислю! Найду и пытать буду! В бордель ее продал? В бордель туркам, да?!

Разговора не получалось. Я отключил телефон.

Превозмогая мизантропию, я поехал в Лыткарино. Там всего две больницы. В одной вспомнили. Была такая медсестра. Уволилась около месяца назад.

Значит, когда мы познакомились, она уже не работала.

Коллеги Юли ничего о ней рассказать не смогли. Слышали, что пропала куда-то. Сказали, приходили из полиции, опрашивали.

Лишь один молодой врач оказался более разговорчивым. Постоял со мной в коридоре пару минут.

— Может, она, в какую-нибудь Северную Альберту уехала? — предположил он. — Там медсестры нужны. Правда, климат собачий. Хуже, чем у нас.

— Вы уверены?

— Не на сто процентов. Слишком быстро... А могли и на органы разобрать, — предположил он другую версию. — Спрос огромный. Тела часто не находят.

— Возможно, зависла у любовника?

— Исключено, — почему-то обиделся врач. — У таких не бывает любовников.

«Интересно», — подумал я.

— Такие не зависают у любовников, — поправился он. — Думайте о хорошем. Рано или поздно она пришлет вам по e-мэйлу письмо. С острова Принца Эдуарда, например.

Я вернулся на ВДНХ, сел на ту же скамейку.

Что мне оставалось? Расклеивать объявления? Сколько их я видел во время одиноких прогулок.

Куда она могла исчезнуть?

Взяла кредит и купила билет в одну из латиноамериканских стран, чтобы раствориться в их немислимом мире? Такой вариант гораздо интереснее, чем работа в холодной Канаде. Хотя и близок к самоубийству.

Пройдя череду фантастических превращений, она выплывет Джульеттой или даже доньей Джулией — женой криминального авторитета из Сан-Сальвадора.

Или — наоборот, будет долго скитаться по сельве и умрет там от голода, глядя, как мимо проходят неторопливые гуанако.

Могла уйти в монастырь. Но не в один из известных, где все гламурно и подконтрольно, а в глушь.

Таких обителей еще немало. Там уж точно человек пропадает бесследно.

Став трудницей, повязав платок «кирпичом», будет укладывать поленницу на подворье в вологодских лесах. Под утро слушать в пустом храме: «Се Жених грядет в полунощи». Учиться читать по-церковнославянски. У нее будет тяжелое послушание — убирать за коровами, и легкое — собирать грибы.

Через несколько лет, возможно, примет постриг. И тогда Небесный Жених снимет с нее «венеч безбрачия» и даст другой.

А если просто плюнула на свое Лыткарино и сняла комнату в Москве? Устроилась медсестрой в частную клинику.

Ну не хочет она видеть ни папу-прапорщика, ни маму с ее домашним консервированием. Ни молодого врача.

Ни меня.

Хочет начать жизнь с чистого листа. В тридцать лет это еще возможно.

Иногда, когда я гуляю на ВДНХ, мне кажется — она едет по Главной аллее на самокате. Потом сворачивает к «Бурану». Проезжает мимо «Москвариума». Исчезает где-то в районе Шереметевской дубравы.

Я иду за ней, но не могу догнать.

ЦАРИЦА АГАФИЯ

В неделю цветоносную шли крестным ходом в Кремль. Рядом с государем — Языков и Лихачев, люди новые и незнатные.

Богомольцы на Красной площади стояли пристойно. Стрельцам почти не приходилось их сдерживать.

Царь подпевал хору, радовался погожему дню. Любовался, как плывут в апрельском небе хоругви. В руке нес пальмовую ветвь, Настоящую, из оранжереи.

Ни с того ни с сего стал замедлять шаг. Остановился.

— Кто сия девица? — услышал Языков.

Постельничий смутился. Молодого государя раньше такие дела не интересовали. Был набожен, на молебнах народ особо не разглядывал. Похоже, время ему пришло.

— Зришь ее? — настойчиво повторил Феодор Алексеевич.

Как тут не узреть! Москву красотой не удивить, но такую, пожалуй, ни с кем не перепутаешь. Она тоже во все глаза глядела на государя. Могла бы для приличия хоть ресницы опустить.

Девицу понять можно. Не каждый день в паре шагов от тебя проходит господин великия и малыя и прочая...

В кулачке держала ветки вербы. Одета хорошо, но — на новый лад. Языков не мог бы объяснить, в чем разница. Покрой одежды, что ли, другой? За счет него она казалась стройнее.

На голове не шапка, а — шапочка. Плата под ней нет. Некоторые так повадились ходить. Зато коса ниже пояса. Известно, девушке прятать косу необязательно. Но непривычно как-то.

Плечи расправлены. Осанка как у царицы. (Прости, Господи.) Голову держит прямо. Очи — большие, серые. Словно ворожит ими.

Старенький патриарх Иоаким топтался на месте, не решаясь идти дальше. Дьяконы, почуяв замешательство, стали усерднее кадить иконы. Потом царя и патриарха. Далее народ.

Девушка наконец склонила голову, когда в ее сторону поплыл кадильный дым.

Протодиакон улыбнулся и немного ниже, чем принято, поклонился в ответ.

— Государь, я о ней разужнаю, — прошептал Лихачев, стоявший слева.

Феодор Алексеевич кивнул и продолжил шествие.

Обернувшись, Языков видел, как Алеша быстро шел к девушке. Она была не одна. Рядом какие-то родственники. Алексей, судя по всему, представился, завел разговор. При этом снял шапку.

«Пожалуй, правильно сделал. Хуже не будет», — подумал Иван Максимович.

Дальше смотреть стало неудобно. Он запел вместе со всеми тропарь праздника.

Не выдержал и оглянулся снова. Девица, похоже, упала в обморок, и родня ее откачивала.

«Притворилась, наверное», — подумал недоверчивый Языков.

— Ну, так кто она? — спросил государь после трапезы, когда остались без лишних глаз.

— Грушецкая Агафия Симеоновна, — доложил Лихачев.

Феодор посмотрел растерянно. Фамилия ему ни о чем не говорила.

— Дочь смоленского дворянина. Живет с матерью в Зарядье. Отец — воевода в Чернавске.

— Чернавск? Где такой?

— Возле Ельца. Глушь. Село почти, — вставил Языков.

Царь замолчал и как будто забыл о девушке. Начиналась Страстная седмица — самый строгий пост. Феодор обычно вкушал в такие дни лишь соленые грузди с ржаным хлебом. А в Великие пяток и субботу не вкушал ничего. Не разговаривал ни с кем.

Дождались Пасхи. Загудели сорок сороков. Пошла черда приемов и обильных трапез.

— Забыл кормилец-то наш девицу, — усмехнулся Лихачев.

— Если что задумал — не отступится. Я его с детства знаю, — возразил Иван Максимович. — Ничего он не забыл.

Во время празднования иконы Живоносный Источник царь сказал на ухо постельничему:

— Пойдешь нынче в Зарядье. Найди, где живет. Поговори с родными. Выведай о ней подробно. Лихачева с собой возьми.

После вечерни друзья пришли к царю с докладом.

— В храме Божиим бывает часто, — перечислял Языков. — Поведения не зазорно-го. Есть еще две сестры — Анна и Фекла. Читает и пишет бегло. Играет на клавино-дах. Знает из священной истории. Понимает, когда при ней говорят по-французски.

— Что значит — «понимает»?

— Язык знает, а говорить стесняется.

Толстый кот, доставшийся еще от Алексея Михайловича, запрыгнул Феодору на колени. Юноша хотел согнать его, но пожалел.

— Говорят, она на крестном ходе в обморок упала?

— Когда поняла, государь, что ты меня послал, обомлела, — влез Лихачев. — Любая упадет. А так, родные говорят, здоровá. Хоть в сани запрягай вместо кобылы. С детства не хворала ничем.

— Ты за языком-то следи! — пристрожился Феодор. — «Вместо кобылы!»! Надо ж такую гадость вымолвить. Она с ангелом схожа!

«О, куда дело пошло! Видать, весна действует. И — осьмнадцать годков», — подумал Языков.

Лихачев ненадолго притих. Но нечистый попутал. Опять сболтнул лишнее.

— Из смоленских она. Подумают, что полячка. Народ-то еще Маринку Мнишек помнит. Начнут лясы точить.

— Алексей Тимофеевич, — Феодор посмотрел на Лихачева, — скажи мне, слуга мой и советчик... Смоленск кому принадлежит?

— Нам, царь-батюшка. Но...

— Мне все равно, чей был. Он испокон веков наш. Девица родилась в русском граде Смоленске. Кто она?

— Ясно дело, русская! — смекнул, куда клонит царь, Языков.

— Какого исповедания? — не унимался Феодор.

— Православного.

— Ну так чего ж тебе еще?! Что до фамилии, так у меня маменька — Милославская. Если не забыл еще.

— Прости меня, окаянного, — Лихачев опустился на карачки, несколько раз стукнул лбом об пол.

— Не кривляйся, — сказал Феодор Алексеевич. — Не люблю.

Лихачев сел на место, вздыхая.

— Но раз уж зашла о том речь, — негромко проговорил царь, — боярам передайте и ближним людям, дабы я ни от кого праздных слов об Агафии Симеоновне не слышал. Могут не только место, но и голову потерять.

Друзья почтительно промолчали.

— Ты, Иван Максимович, — обратился он к Языкову, — отправляйся снова к ее родне. Передай: «Царь-де наказал беречь Агафию как зеницу ока. И если мил он ей, скоро посватается».

«Видел-то всего минуточку. Чудеса, — подумал постельничий. — Хотя она с матерью его схожа. Только поярче. Царь — сирота. Понять можно. Семью обрести хочет».

— Порадовал ты нас, государь-батюшка! — заговорил он вслух. — На Красной горке можно и под венец.

— Деточек твоих понянчить уж так жаждем! — присоединился Лихачев.

Весть о неожиданной невесте распространилась по Кремлю и никого не обрадовала. Особенно негодовал дядя Иван Милославский. Возмущала мысль, что все происходит не по решению семьи, а случайно. Какая-то заезжая явилась в Москву, попала на глаза юноше и завтра встанет рядом с его детьми. Да не рядом, а выше!

Недолго думая, Иван Ильич пустил слух, что избранная невеста нечиста. Как ни странно, столь грубая клевета ранила Феодора.

Имея от рождения слабое здоровье, он не верил в возможность счастья. Радоваться супружеству могут другие, крепкие и здоровые, но не он.

Болезненный царь много знал, много читал, говорил на трех языках, сочинял стихи, но не было в нем молодецкой крепости.

Счастье улыбнулось в виде высокой, статной девушки и тут же ушло, скорчив мерзкую рожу.

Стесняясь и мучаясь, он опять обратился к верным слугам. Теперь уже не приказывал, а просил посетить дом в Зарядье, выведать у родственников, не было ли какого греха.

Смущенные, Языков и Лихачев отправились в гости. Пряча глаза, намеками стали расспрашивать у матери и дяди: пребывает ли в целомудрии избранница?

Посреди разговора в горницу влетела Агафия.

— Подслушивала? — спросила мать Мария Ивановна.

— Подслушивала! — дерзко ответила девица.

Щеки ее горели.

«Вот ведь — уродилась государыней», — промелькнуло в голове у Языкова.

— Передайте царю, — звонко чеканила Агафия, — я чиста и жизнью в этом клянусь! Жду его. Желая скорее увидеть.

Перекинула косу за спину. Вышла, высоко задрала голову.

— Гонору-то сколько, — пробормотал Лихачев.

— Что есть, то есть, — подтвердила мать.

— Так и сказала: «жизнью клянусь»? — в который раз спрашивал разомлевший Феодор. — А клясться, между прочим, грех. Сказано: «Не клянитесь ни небом, ни землею...»

Царь был тот еще законник и богослов.

— «Хочу скорее увидеть»? — возвращался он снова к словам Агафии. — Как? Как увидеть?

— Не тревожься, отец! Все устроим, — обнадежил Лихачев.

Наутро вошедшие в раж родственники в свидании отказали.

— Только через окно, — объявила переговорщикам Мария Ивановна.

— Воля ваша, — согласился рассудительный Языков. — Завтра, после обедни, царь поедет прогуляться на Воробьевы горы. Посадите Агафию Симеоновну у окошка. Только не слишком высоко. Государь будет верхом. Окажутся лицом к лицу. Так и поговорят.

Феодор удивил стрельцов, выехав не из Никольских ворот, а из Спасских. Направился к Варварке.

Постельничий и стольник сопровождали его. Показали место и остановились.

— Дальше ты уж, батюшка, сам.

Царь сдержал коня и проехал шагом еще немного. Дом как дом. Даже теремом не назовешь. А в окне — она.

Высунулась наружу, чуть не до пояса.

Агафия видела государя второй раз в жизни. При летнем свете его бледность бросалась в глаза. Как будто ни кровинки нет в лице, довольно приятном.

Но держался в седле молодцом, и конь под ним столь крупный и норовистый, что страшно и глянуть.

Сначала только и слышно было храп коня да звон сбруи.

Царь посмотрел пристально из-под белесых ресниц.

«Какой же молоденький. Отрок почти, — подумала Агафия, хотя знала, что они с царем ровесники. — Что ж он молчит-то? Неудобно мне первой заговорить».

— Пойдешь за меня, Агафьюшка? — охрипшим голосом спросил государь.

— Пойду, — уверенно ответила она.

«Вот так сразу — пойду! — подумал Феодор. — Ни вздохов каких-нибудь. Даже не зарделась. Смелая».

— Тогда к делу, — входя в привычную, царскую, колею, заговорил он. — Совершим по обычаю. Отец из двухсот девиц выбирал. И я соберу. Самых красивых и знатных. Чтобы древним родам не обидно было. Тебя тоже пригласят. Изо всех при честном народе выберу. И никто уже против слова не скажет.

— А если увидишь красивых и другая полюбится?

— Не полюбится. Смотри не захворай только! А то бывали случаи... Да, — он вспомнил что-то. — На возьми.

Потянулся с коня, вложил в ладонь Агафии колечко с диамантом.

Развернул вороного, который перегородил чуть не всю улочку. Пустил вскачь.

Агафия села на подоконник, высунулась наружу. Помахала платком. Увидела, как свита, ждавшая в переулке, помчалась вслед за государем.

Мария Ивановна, подкравшись сзади, втащила дочку за косу в дом.

Накануне смотрин приехал из Кремля Агафьин дядя. Начал наводить тоску — перечислять приглашенных девиц:

— Дочери князей Львова и Волконского. Две дочери князей Звенигородских. Дочь окольничего, князя Данилы Великого-Гагина. Дочь стольника, князя Никиты Ростовского. Дочери князя Куракина, Марфа и Анна. Это только княжны! И боярышень — немерено. Кто мы против них?

— Царь обещался ведь, — отозвалась Агафия. В носу у нее защипало. «Вот еще, не хватало плакать! Глаза покраснеют».

— Их обещаниям верить... — махнула рукой Мария Ивановна. — Ну что ж! Собирайся. Едем, коли позвали.

Феодор Алексеевич не любил тратить деньги зря. Он ограничился девятнадцатью приглашенными.

Родовитость и богатство не всегда совпадают с красотой. Когда Агафия вошла в палату Теремного дворца, сердце ее совершенно успокоилось. «Не так уж и хороши княжны. Просто парчи на них много».

Девы поджали губы, кое-кто отвернулся. Прошел слух, что царь уже выбрал выскочку, невесть откуда взявшуюся. А их призвали, чтоб только приличие соблюсти.

Встали в ряд. Вошел государь.

Девушки отвесили поясной поклон, дотронувшись перстами до пола. Царь неспешно пошел вдоль ряда, доброжелательно глядя на каждую. В руке он держал платок.

Агафия стояла последней. Дойдя до нее, Феодор просиял ребяческой улыбкой и уронил плат. Агафия подняла. Поцеловала руку своему жениху и государю.

Феодор поблагодарил девиц за то, что заехали к нему в гости. Добавил, что в трапезной ждут угощения и подарки. Вышел рука об руку с будущей царицей.

На Соборной площади уже выстроились стрельцы. Толпились думские бояре, стоял хор. Патриарх Иоаким медленно взошел на Красное крыльцо, благословил жениха и невесту. Хор запел: «Многая лета!»

Вместо колымажки, на которой приехала Агафия, подали одну из царских карет. Повезли домой ожидать там дня венчания.

Феодор Алексеевич «не любил пышности ни в платье, ни в столе, ни в уборах». Современники запомнили его свадьбу как скромную. Но Агафии, мало что видевшей, она показалась сказочной.

Венчались в Успенском соборе. Когда вышли на паперть, Лихачев поднес большую миску с золотыми и князь Касимовский осыпал монетами молодых. Далее направились в Теремной дворец, где ждали иноземцы.

Стали подходить с поздравлениями. Царь отвечал непринужденно. Увидев посла короля Людовика, шепнул Агафии:

— Поговори по-французски.

Она мотнула головой.

— Нет. Не смогу.

— Тогда на латыни.

Посол приблизился, раскланялся, взмахнув у пола шляпой. По-русски не понимал ни бельмеса. Феодор заговорил на латыни. Агафия сначала слушала, потом вставила несколько фраз. Царь понял, что она знает язык хуже него. Что ж... Не у всех были такие учителя, как Симеон из Полоцка. Тем не менее она говорила.

Это не осталось незамеченным. Потянулись и другие гости. Сестры государя косились неодобрительно. Никто из них, кроме Софьи, языками не владел. Возле нее также вились иностранцы.

Беседа с послами закончилась. Приглашенные вошли в трапезную, молодые сели во главе стола. Все пошло по заведенному чину, как при отце и дедушке.

Феодор заранее предупредил, чтобы не было мирских песен. Тем паче студных криков «Горько!».

В перерывах между речами певчие исполняли душеполезные канты.

Зная, что царь не любит винопийц, бояре поднимали кубки и благообразно опускали, едва пригубив.

Но не углядели за Лихачевым. Ему был пожалован чин постельничего, освободившийся после Языкова. Иван Максимович был произведен в окольничьи.

Слегка перепивший Алексей приблизился к молодым. Сердце его было исполнено благодарности, но уста уже не повиновались.

Он попытался начать заздравную речь, но тут же залился слезами. Не в силах сдерживать чувств, встал на колени и полез под стол, дабы облобызать стопы. Но тут же получил от царицы пинок сафьяновым сапожком.

— Не позорь нас, боярин! — строго сказала Агафия, заглянув под скатерть. Она еще не слишком разбиралась в иерархии и невольно возвысила Лихачева, что вызвало новую волну благодарности.

— Какой я боярин, матушка-царица, — всхлипнул он, вылезая из-под стола. — Мне до боярства как до Луны!

— Сядь на место, Алеша, — добродушно сказал государь. — Иноземцы косятся. Потом напишут, что мы — Навуходносоры.

Новобрачные за столом долго задерживаться не стали и удалились в опочивальню. Что там происходило, никому не ведомо. Но уже наутро ближние люди, а затем и дальние заметили: царь неразлучен со своей царицей.

Известно, что и отец, и дед Феодора любили своих жен, были счастливы в браке. Но чтобы царица позволяла себе открыто появляться перед людьми, часто восседала рядом с государем, шла рядом на богомолье — такого не бывало прежде.

После свадьбы главное — пойти к мощам преподобного Сергия. Все государи так поступали.

Шли пешком. Для облегчения странствия отец построил путевые дворцы. Сам был хороший ходок. Любил выйти спозаранку и шагать. А за ним обоз свиты на версту тянулся.

Вышли и Феодор с Агафией. Первый день до села Алексеевского молодой царь кое-как прошел. Это еще не путь был. Больше молебны служили, принимали челобитные. До Алексеевского, по сути, — Москва. Слободы да посады на каждом углу.

На другой день уже Русь началась. Поля или луга кругом, а дальше бор. Настоящий, не подмосковный. Как бы до него добраться еще. Знойно, и солнце палит.

Агафия, шедшая рядом, почувствовала, что Феодор изнемог. На лицо его и взглянуть страшно. Бледное, пот струится. Глаза серо-зеленые страждут.

Встали.

— Не могу, Агаша, — произнес царь. В первый раз назвал домашним именем.

— Мы тебя, кормилец, на руках понесем, — предложил Лихачев, тут же оказавшись рядом. — Сейчас носилочки соорудим!

— Что я, падишах какой? — поморщился Феодор.

Он поглядел на своего вороного, которого вели в поводу.

— Или вот на лошадку! — продолжал соблазнять постельничий. — Господь и тот на жребяти путешествовал.

— Все цари пешком шли. Только я не могу, — вздохнул Феодор.

— И ты сможешь, — Агафия скинула сапожки, чтоб легче идти. Их тут же подхватила горничная девка. — Добредем. Как волы в одной упряжке.

Она взяла его руку, потянула вперед. Феодор, преодолевая боль в коленях, поплелся за ней. С каждой верстой идти становилось легче. Сила молодой царицы передавалась ему. Но на затяжных подъемах опять ослабевал. Тогда приходилось садиться на коня. Лихачев вел вороного под уздцы. Агафия шла рядом, держась за стремя.

Так добрались до второго Путевого дворца.

Одно слово, что дворец. Бревенчатый терем, хоть и пышный.

Государь отдыхал в сенях, пил чай с липовым цветом. Из высоких хором вид открывался утешительный. Если б его спросили, какая она, Русь, он бы ответил: вот она.

Нивы тучные, без проплешин. В лугах сенокос. Лес рядом, многовековой, чистый, без осинника и сухостоя. Рубить деревья никто зря не смеет. Живности в бору много. Лосей и косуль истреблять заборонено.

На дорогах не разбойничают. Народу рождается больше, чем умирает. И по всей земле, от Белого моря до Черного, тишина. Не он ее устанавливал — отец и дед. Его дело этот лад сохранить.

Спросили бы, для чего нужен царь? Он — пастух. Должен паству хранить и преумножать.

Кто такие князья? Волки. Это он с детства узнал. Царь обязан их в страхе держать. Иначе от жадности все стадо перережут.

Феодор понимал, что его бояться больше, чем покойного отца. Алексей Михайлович только прозван Тишайшим, а на деле был государь шумный. Мог и в зубы дать, если кто согрешил. Но тут же обнять и простить.

Феодор ни разу руку ни на кого не поднял, голоса не возвысил. Но бояре чуяли: если он что решил, ни за что не отменит.

В первый же год царь отдалил всю родню. Приблизил людей новых, зато по-собачьи преданных. Хорошо, что у Агаши в роду знатных нет.

Так с Божьей помощью добрались до Троицы. Хоть не за пять дней, как отец хаживал, но — добрались.

Народ в обители ликовал, видя его с юной царицей. Шли через галдящую толпу рука об руку.

Сияли кресты, хоругви, оклады. Диакон возглашал, аж уши закладывало. «Благодение нас и держит, — думал Феодор, входя под своды, где впереди, справа, себременная рака игумена Сергия. — Пошатни веру, и обретешь смуту».

Только вернулись, Агафия озадачила:

— Прости дядю своего, Ивана Ильича.

— Как же его простить? Он тебя оскорбил.

— Меня оскорбил, мне и прощать.

— За такую клевету на Соловки и то мало! Чуть свадьбу не расстроил.

— Ты же христианин, — сказала Агафия.

Встал с места. Ходил взад-вперед, пока не пришел в обычное расположение духа.

Позвал к себе Языкова.

— Поедешь к Ивану Милославскому. Знаешь, где он?

— В дальнюю вотчину удалился.

— Скажешь, царица за него просит. По ее милости может воротиться в Москву. Чтоб сидел тихо, как мышь. Чинов и кормлений более не получит. На глаза пусть не попадается.

Дальше — больше:

— Отмени, Федя, охабни.

— ?

— Я когда в Зарядье жила, видала мужиков в бабьих платьях. Охабни называются.

— Так это — ратные люди! — догадался царь. — Они с поля брани сбежали. Потому и носят бабью одежду. В наказание. Что ж такого?

— Отмени. Стыдно ведь, — вздохнула Агафия. — Они же — воины. Не по-божески.

— А удирать, бросив соратников, по-божески?

Загрустила. Отошла к окну. Смотрела, хотя ничего там нового не было.

«Может, и не стоят охабни ее печали», — подумал Феодор.

— Будь по-твоему.

Просияла.

Но на следующий день опять озадачила. Спросила вдруг:

— Зачем ты голову бреешь?

Феодор Алексеевич не сразу нашелся, что ответить. Он и вправду ходил с бритой наголо головой и в шапочке, похожей на тибетейку.

— Так пригляднее, — наконец вымолвил он.

— Непригляднее!

— Как, на твой вкус, надо? — спросил Феодор. Он был весьма скромного мнения о своей внешности.

— Пойдем, покажу.

Повела его в покои для приема иноземцев. Там по стенам висели куншты, парсуны, изображения замков и кораблей.

Висел даже срамной дар французского посла — нарисованные девки совсем без ничего. Называлось «Три грации». Патриарх советовал сжечь, но бережливый Феодор решил оставить. Велел повесить обратной стороной.

— Вот смотри! Нравится тебе? Кто он?

Она указала на парсуну благообразного мужчины с длинными, ниже плеч, волосами и кружевным воротником.

— Карл Стюарт. Король английский, — пояснил царь. — Ему хамы голову отрубили.

— Царствие Небесное, — перекрестилась Агафия.

— За него молиться нельзя, — строго поправил царь. — Не нашей веры.

— Жалко ведь...

— Еще бы не жалко! Добрый был государь. Доброта и сгубила. Появился там некто Кромвель. Разбойник вроде Стеньки Разина. Подбил подлый люд короля свергнуть. А сам воссел на его место. Десять лет смута длилась, пока злодей не сдох. Потом англичане одумались, сына короля на престол возвели и зажили, как прежде. Кромвеля этого выкопали из могилы и повесили.

— Правда, приглядней, когда длинные волосы? — вернулась к своему Агафия.

— Мне отрастить, что ли? Ниже плеч? На бабу похож стану.

— Ну зачем «ниже»? До ворота пока.

Иногда спорили по пустякам.

— Федя! Зачем ты три шубы надел?

— Все так носят.

— Надень хотя бы две и душегрею.

— На Иордань же идти! Зябко. Ты как пойдешь?

— В одной.

— Люд решит — государь жену лишней шубой одарить не может.

— Нет. В одной.

Потом продрогла вся. А молодые боярыни по дурости тоже стали так носить.

Феодор и так вкушал мало, а в тот день к еде не притронулся. Тщетно стольники ставили перед ним яства, напрасно кот терся о ногу хозяина, требуя ласки. Бывали часы, когда царь никого не замечал. Лицо застывало, становилось будто костяным.

— Помолись обо мне сугубо, — сказал, выходя, царице.

Агафия уже знала: сейчас пойдет к боярам. Закроются тяжелые двери. О чем будут говорить — не бабьего ума дело.

«Взбрыкнут или не взбрыкнут, — думал Феодор, входя в палату. — Год назад, как коснулся этого, гомон подняли. Пришлось вожжи ослабить. Теперь самое время приструнить».

Сидел на царском месте безучастно, слушая описания дел. Выжидал. Когда последний из говоривших сел, отдуваясь, Феодор заговорил медовым голосом:

— Больно мне огорчать вас, дети мои.

Бояре насторожились.

— Не раз уж говорил, как противно мне местничество. Лааетесь друг с другом, кто выше. Наветы пишете. Кормлений за свое родство требуете. Решил я, — царь собрался с духом, чтобы произнести как можно спокойнее, — местничество упразднить. Местнические книги сжечь. На должности назначать по уму, а не по знатности. Примите как волю Божию и не ропщите.

Ему наконец удалось выговорить то, что желали сделать отец и дед, но не осилили.

Бояре молчали. Только князь Никита Иванович Приимков-Ростовский пробормотал:

— Нашептала безродная, змейка подколотная.

— Ухо мне где-то продуло, — пожаловался Феодор. — Слышу нынче плохо. Повтори, князюшка, что рек.

— Да я сам с собой, — потупился Никита Иванович.

— В старости маститой такое бывает, — согласился царь.

Встал князь Долгоруков, Рюрикович в двадцать третьем колене. Поклонился, метя пол седой бородой.

— Ты, государь, нам отец. А мы — дети малые, — начал он.

Из его уст это звучало почти насмешкой. Но Долгоруков вырулил правильно.

— Дети порой не слушают отца. Получают розги и вразумление. Ибо родитель ведает, что творит. Невиданное ты затеял. Но мы роптать не станем. Тебе крест целовали. Тебе и перед Создателем отвечать.

— Я царь, а не фараон египетский, — сказал Феодор как можно мягче. — Желая собрать Земский собор, дабы всем миром утвердить.

— Еще б им не утвердить! — усмехнулся Долгоруков. — Земские только того и чают. Воля-то все равно твоя.

Кряхтя и охая, бояре разошлись, по привычке толкаясь в дверях, не уступая друг другу дорогу. Языков с Лихачевым смиренно вышли последними.

Феодор долго сидел в опустевшей палате. Бывают дела, в которых ни жена, ни друзья не советчики. Государь перед Богом всегда один.

В начале мая Агафия, уже на седьмом месяце, еще появлялась на людях. Иногда ездили вместе по гостям. Утром спросила:

— Ты крестника своего давно навещал? Поедем завтра? Что ему подарить?

— Книге потешные можно, — отозвался царь. — От меня и Софьи остались.

— Отроча все же... — задумалась Агафия. — Подари ему барабан.

Приехали в Преображенское. На крылечко вышла молодая женщина. Рядом отрок, длинный, вертлявый. Глазки быстрые, как у мышонка. Кровный брат Петруша. Уставился на Агафию:

— Ты кто?

— Она наша матушка-царица, — пояснила Наталья Кирилловна.

— Нет. Ты — царица.

— Я царица вдовая. А она — новая.

Вошли в бревенчатый терем. Феодор Алексеевич обнял брата, прижал к груди. Слышал, как бьется его сильное сердце.

На Наталью Кирилловну старался не смотреть. Боль обиды за мать с годами прошла. Но мачеху любить невозможно.

После чая государь пожелал знать об учебе. Позвали наставника Никиту Зотова. Феодор заговорил с ним по-гречески. Наставник отвечал с трудом. Царь перешел на латынь. Никита стал изъясняться бойчее, но с грубыми ошибками.

Царю показалось, что от учителя пахнет хлебным вином. Он нахмурился, но выговаривать не стал. Как ни странно, Никита ему понравился.

«Ясно — простой дьяк, явно нигде не учился. Но он свой». В глубине души Феодор, руководствуясь непонятно чем, разделял людей на «своих» и «чужих».

Например, Симеон Полоцкий воспринимался им как «свой, да не совсем». Изрядное образование дал царю западнорусский монах. Но капля недоверия оставалась.

Добродушному Никите до Симеона далеко. Вряд ли чему-нибудь путному научит Петрушу. Как бы еще выпивать вместе не стали. Зато свой в доску.

Призвали братца проверить успехи в чтении. Никита разложил на столе часослов и букварь. Петруша, вихляясь и хмыкая, читал скверно. Феодор вспомнил, что он в его годы возглашал часы не хуже псаломщика. Так и летели под своды псалмы и молитвы. А здесь... Пентюх просто.

— Ты уловляешь, что рцьшь? — спросил он брата.

— Буквы лишние. Читать мешают.

— Что?! — возмутился царь.

— Вот, вот и вот. — Петруша показал на азбуке. — Ничего не означают. Зачем они?

— Люди поумнее нас писали. Значит, нужны, — неуверенно ответил Феодор.

— Я бы убрал, — дернул плечом брат.

«Убрал бы! Да посади такого, все в тартарары спустит!» — От этой мысли Феодора Алексеевича прошиб пот.

«Чужой! — сделал он вывод. — Пусть брат единокровный, но — чужой».

Ехали домой не спеша веселыми майскими перелесками в старой отцовской карете. Смеялись, вспоминали Петрушу и Зотова.

Считали, сколько осталось до рождения сына. Верили, что будет сын. Дорога вилась, и виды впереди открывались один краше другого. Казалось, и жизнь будет лучше день ото дня.

«За что меня Господь так утешил?» — думал Феодор, глядя на слегка располневшую, но все равно пригожую жену. С ней всем было легко и спокойно. Так же, как с покойной матушкой Марией Ильиничной.

В середине июля грянул Иван Великий, возвещая рождение наследника, а у Феодора вместо радости сердце сжалось. Кажется, палили из пушки в знак ликования.

Он ничего не помнил. Сразу вошел к Агаше, хоть и не подобало так делать. Она рожала в бане, по обычаю. Роды — дело стыдное.

Мамки спешно убирали кровавые простыни. Слышался негромкий писк младенца.

Агафия полусидела на подушках, настрадавшаяся и светлая. Роженица до сорокового дня в нечистоте пребывает, прикасаться к ней нельзя. Феодор пренебрег. Обнял бережно, прикоснулся щекой к щеке.

Агафия горела. Жар был, как от печки. Потом стал озноб бить. Говорила с трудом.

Принесли младенца Илию Феодоровича. Агафия в первый раз покормила. Царь потрогал его ручку. Благословил.

Нутром чуял: дело плохо, хотя через силу улыбался жене. Ночью она стала бредить и метаться.

— Горячка родильная, — сказала нянька. — И маменька твоя от такой беды преставилась.

Царь подошел к иконам, попробовал молиться.

Будто голос услышал за плечом:

— Не удерживай.

Летний ветер дунул в окно. Лампады загорелись ярче.

Велел поставить рядом с одром лежанку. Не отходил. Младенца унесли к нянькам и кормилице. Молоко приходилось сцеживать.

На третий день появился патриарх. Посмотрел внимательно в лицо царицы. Сказал:

— Готовься.

Протопоп, дождавшись, когда царица придет в себя, поисповедовал.

Феодор увидел еще семерых священников. Ни минуты не мешкая, они начали соборование. Поочередно читали Евангелие, помазывали Агафию елеем.

Ушли. Остался лишь духовник. Начал канон на исход души:

— «Подобно каплям дождевым...»

Агафия взяла руку мужа и не отпускала до конца.

Через три дня няньки сообщили, что почил в Бозе и царевич Илия Феодорович.

Сорок дней царь не выходил. Не говорил ни с кем. Ночью выл тихонько.

На сороковины Языков и Лихачев отвели его под руки в Вознесенский монастырь, усыпальницу цариц.

Покоились там бабушка Евдокия Лукьяновна Стрешнева. Маменька Мария Ильинична. И прародительница — первая царица Анастасия Романовна. Почти все они были не слишком богаты и знатны. Бабушкин отец, говорят, сам землю пахал. Но все были избраны по любви. Теперь среди них и царица Агафия.

После панихиды вышел из храма уже сам. Побрел в Тайницкий сад, присел на скамью.

Дорожки выметены, трава свежескошена. На клумбах — пышные августовские цветы. Ручная белка, которую кормили вместе с Агафией, подбежала, прося орехов. Царь развел руками — нет ничего.

За стеной шумел столичный град. День выдался теплый, но незнойный. Облака неспешно плыли. Звали за собой. В иной Град, где нет смерти, где все живы.